

П. Юшкевич

**О материалистическом
понимании истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Юшкевич**
О материалистическом понимании истории / П. Юшкевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 104 с.

ISBN 978-5-458-54727-7

ISBN 978-5-458-54727-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ріи, охвативъ собой всю сложность общественнаго бытія людей, уравнивъ на вѣсахъ безпристрастнаго изслѣдованія правленіе могущественныхъ царей съ вопросомъ о паденіи или повышеніи заработной платы, подвиги геніальныхъ полководцевъ съ задачами таможенной политики и т. д. Общество демократизировалось, и вмѣстѣ съ этимъ демократизировалась и исторія, оправдавъ этимъ основное положеніе историческаго матеріализма, гласящее, что „общественное бытіе людей опредѣляетъ ихъ сознаніе“,—въ данномъ случаѣ ихъ историческое сознаніе.

Параллельно съ этимъ расширеніемъ историческаго матеріала, съ ростомъ задачъ исторіи, шло и углубленіе пониманія историческаго процесса. Огромные успѣхи точнаго знанія, выработка новыхъ точныхъ методовъ во всѣхъ областяхъ науки, не могли не отразиться на историческомъ изслѣдованіи. Закономѣрность естественныхъ процессовъ побуждала искать закономірности и въ историческомъ процессѣ. Само то расширеніе содержанія исторіи, о которомъ мы выше говорили, неизбежно вело къ этому. Въ политической исторіи понятіе о закономірности непримѣнимо. Дѣйствующими лицами ея являются цари, полководцы, министры и т. п. могущественныя личности, для поступковъ которыхъ законъ, такъ сказать, не писанъ. Направляемые чувствами властолюбія, славы, гуманности, набожности и т. д., они ведутъ событія въ томъ или иномъ направленіи. Отъ ихъ воли, отъ ихъ характера, зависятъ въ огромной степени историческія перемѣны. Событія и факты находятся въ причинной связи съ ними лично,—и понятно поэтому, что исторія должна казаться пестрымъ калейдоскопомъ страстей и желаній отдѣльныхъ великихъ людей. Руководящей нити, чего-нибудь связываю-

цаго исторію въ одно разумное, понятное цѣлое, словомъ, чего-нибудь дѣлающаго ее закономѣрной, нѣтъ и быть не можетъ. Если же въ лучшемъ случаѣ здѣсь и допускается существованіе такой руководящей нити, такого закона, то онъ лежитъ гдѣ-то внѣ человѣчества, надъ нимъ, въ видѣ промысла Божія, ведущаго людей своими кривыми путями въ далекой, недоступному слабому человѣческому уму, цѣли. Въ рувахъ этого промысла все идетъ въ прокъ: и безумства тирановъ, и великія дѣянія реформаторовъ, словомъ всѣ вапризы, всѣ случайности, которыми полна политическая исторія.

Но ясно, что ссылка на Божій Промыслъ, объясняя все, въ то же время въ дѣйствительности ничего не объясняетъ,—и именно потому, что пути Господни неисповѣдимы и что Провидѣнію можно приписывать все что угодно. Съ другой стороны, кто здѣсь, въ области политической исторіи, покидаетъ почву религіознаго толкованія исторіи, тотъ долженъ отказаться отъ всякаго толкованія. Такимъ образомъ исторія дѣйствительно, овазывается какимъ-то знаніемъ, удовлетворяющимъ наше любопытство насчетъ выдающихся событій прошлаго, но не наукой. Извѣстно изреченіе Паскаля, сказавшаго, что, будь у Клеопатры носъ нѣсколько короче, вся судьба міра была бы иной. Но точно ~~также~~ иные историки утверждали, что не будь у Наполеона въ день бородинскаго сраженія жестокаго насморка, онъ могъ бы использовать всѣ ресурсы своего военнаго генія; тогда результаты кроваваго боя были бы болѣе рѣшительны—и опять—таки судьба міра была бы иной. И такъ, съ одной стороны прекрасный носъ Клеопатры, съ другой несвоевременная простуда Наполеона. Стоить только умножить примѣры и продолжить эти разсужденія,—и мы придемъ въ

выводу, что вся исторія—это цѣпь счастливыхъ или несчастныхъ,—но во всякомъ случаѣ ничтожныхъ—случайностей, что вся она постоянно виситъ на волоскѣ. Что дѣлать здѣсь наукѣ, что дѣлать научному изслѣдованію тамъ, гдѣ желѣзная цѣпь событій разрѣшается въ рядъ мало связанныхъ другъ съ другомъ анекдотовъ?

Политическая исторія—исторія на службѣ и жалованьѣ у монарховъ—и могла быть, въ концѣконцовъ, только болѣе или менѣе художественнымъ сборникомъ историческихъ анекдотовъ. Но исторія должна была принять научный, законмѣрный характеръ, рязъ ею къ изученію были привлечены явленія культурной жизни, факты классовой борьбы, хозяйственнаго развитія и пр. Здѣсь сами объекты изслѣдованія, благодаря своему массовому характеру, поддаются уже научной обработкѣ. вмѣсто отдѣльныхъ лицъ и ихъ поступковъ передъ нами выступаютъ массы и продукты ихъ историческаго существованія: языкъ, религія, широкая партійная борьба. Мѣста безграничному произволу отдѣльной личности—какъ бы могущественна и велика она ни была—здѣсь нѣтъ: въ лучшемъ случаѣ ея вліяніе на ходъ вещей второстепенное, производное. Очевидно, нельзя одинаковымъ образомъ объяснять запутанные ходы дипломатической игры и измѣненія въ экономическомъ бытѣ народа: если первые находятъ легкое и всякому доступное объясненіе въ волѣ заинтересованныхъ сторонъ, то врядъ ли вторымъ удастся причинно связать хозяйственное развитіе страны съ волей законодателя. То же самое примѣнимо къ судьбамъ права, языка, нравовъ. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ элементъ случайности, господствующій въ политической исторіи, отодвинуть на задній планъ.

Такъ, благодаря успѣхамъ научной мысли вообще и въ частности благодаря измѣненію самого содержанія исторической науки, былъ поставленъ на очередь вопросъ о законмѣрности историческаго процесса. Вторая половина 18 вѣка и весь 19 заполнены попытками найти эту законмѣрность въ исторіи. Первое время это было задачей, главнымъ образомъ, философіи исторіи; съ середины же 19 столѣтія выступаетъ новая наука объ обществѣ, соціологія, обѣщающая открыть законы историческаго развитія.

Философія исторіи знаетъ лишь исторію единого человѣчества, идущаго неизмѣнно впередъ по пути своего развитія. Отдѣльные историческіе моменты въ жизни народовъ для нея только особые этапы на прямомъ пути шествующаго въ прогрессу человечества. Единое человечество и прогрессъ—вотъ два основныхъ понятія философіи исторіи. Единое человечество съ единой всеобщей исторіей—несмотря на огромное различіе частныхъ исторій народовъ и несмотря на то, что многіе народы прожили долгую историческую жизнь внѣ круга западно-европейскаго міра (который собственно и является для философовъ исторіи человечествомъ). Двѣ—три тысячи лѣтъ существованія сперва греко-римскаго, а затѣмъ германо-романо-славянскаго міра—вотъ преимущественно предметъ изученія философіи исторіи. Только какъ введеніе къ нимъ привлекается еще разсмотрѣніе исторіи народовъ передней Азіи и Африки. Все остальное человечество остается за бортомъ философіи исторіи: тѣмъ хуже для другихъ народовъ, что они не сумѣли связать своей судьбы съ исторіей Европы. Они не умѣщаются въ тѣсныя рамки, отмежеванныя себѣ философіей исторіи, и она ими спокойно жертвуетъ.

Но если, полно произволюмъ, понятіе единого человѣчества, то не менѣе произвольно второе основное понятіе философіи исторіи, именно идея прогресса, неизмѣннаго, вытянутаго въ струнку прогресса, который осуществляетъ это единое человѣчество. Эта идея настолько неопредѣленна и субъективна, что каждый мыслитель толкуетъ ее по своему, въ зависимости отъ своихъ склонностей и симпатій. Одного интересуетъ въ исторіи прогрессъ умственный, другого—успѣхи нравственности, третьяго—всестороннее развитіе личности, и каждый, исходя изъ своей теоріи прогресса, по своему оцѣниваетъ событія, по своему располагаетъ ихъ въ развѣтывающійся рядъ.

Не трудно замѣтить, что философія исторіи является прямымъ наслѣдникомъ прежней теологической и телеологической мысли. Промыселъ Божій своими неисповѣдимыми кривыми путями неизмѣнно ведетъ человѣчество къ какой-то высокой конечной цѣли—такъ говорило религіозное ученіе: ничего случайнаго въ исторіи нѣтъ, все служитъ для осуществленія плановъ Провидѣнія. Непосредственно примыкая къ этому воззрѣнію, одинъ изъ первыхъ и крупнѣйшихъ философовъ исторіи, Гердеръ, видѣлъ въ исторіи процессъ воспитанія человѣчества подъ руководствомъ Бога. У Гегеля эта идея принимаетъ уже метафизическій характеръ: исторія является, какъ процессъ саморазвитія Абсолютнаго Духа. Наконецъ, у философовъ исторіи, относящихся отрицательно къ религіознымъ и метафизическимъ ученіямъ, ужъ нѣтъ мѣста для Провидѣнія или для Абсолютнаго Духа. Но мѣсто Провидѣнія занялъ у нихъ Прогрессъ, играющій въ ихъ построеніяхъ ту же провиденціальную роль, которую играло прежде Божество. Сувѣріе теологическое и метафизическое замѣнено сувѣріемъ позитивнымъ, но все-таки остается сувѣріемъ: и

здѣсь и тамъ историческій процессъ разсматривается съ точки зрѣнія какой-то конечной цѣли, которую призвано осуществить человѣчество на землѣ; и съ точки зрѣнія этой конечной цѣли объясняется весь ходъ исторіи. Эта телеологическая точка зрѣнія—коренной недостатокъ философіи исторіи, но въ прошломъ она сыграла крупную научную роль, ибо благодаря ей впервые удалось обосновать и провести идею законмѣрности историческаго процесса.

Съ иной, болѣе научной стороны подходитъ къ изученію историческихъ явленій соціологія. Если философія исторіи выросла подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіозно-метафизической мысли, съ ея преобладаніемъ идеи цѣли, то соціологія явилась продуктомъ вліянія точныхъ наукъ и основного для нихъ начала причинности. Если философія исторіи связываетъ историческія событія въ одно законмѣрное цѣлое черезъ посредство идеи прогресса, служащей цѣлью человѣчества, его путеводной звѣздой, то соціологія пытается найти эту законмѣрную связь въ отношеніи причины и слѣдствія, въ существованіи законовъ, такъ же полносильныхъ для жизни обществъ, какъ полносильны законы механики для небесныхъ тѣлъ или законы біологіи для живыхъ организмовъ.

Съ другой стороны, если философія исторіи имѣетъ предметомъ своего изученія единсе человѣчество, то соціологія занимается обществомъ, но не тѣмъ или инымъ конкретнымъ обществомъ, а обществомъ вообще, обществомъ, какъ родовымъ понятіемъ. Соціологія задается цѣлью изучить законы, управляющіе развитіемъ этого абстрактнаго общества. Къ несчастью, соціологи до сихъ поръ еще не сговорились между собой насчетъ того, что представляетъ собой это общество вообще и каковы управляющіе имъ законы. Ужъ больше полувѣка гово-

рятъ и пишутъ о соціологіи, существуетъ огромная соціологическая литература, но фактически дальше имени науки дѣло не пошло. Собрано и разработано много историческаго и этнографическаго матеріала. выдвинуто много интересныхъ точекъ зрѣнія, много любопытныхъ теорій,—но все это цѣнно для отдѣльныхъ общественныхъ наукъ, для сравнительной исторіи хозяйства, для сравнительной юриспруденціи, сравнительнаго языковѣдѣнія и т. д. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ невозможно построить какой-то особой общей науки объ обществѣ, во всякомъ случаѣ ея пока нѣтъ, и мало шансовъ, чтобы она осуществилась въ ближайшемъ будущемъ *).

2.

Такимъ образомъ, ни философія исторіи, ни соціологія не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ: философія исторіи для насъ уже не наука, а соціологія, въ лучшемъ случаѣ, пока еще не наука. Но значить ли это, что идея о законмѣрности историческихъ событій потерпѣла крушеніе? Ничуть. Наоборотъ, если что и уцѣлѣло и оцрѣпло въ борьбѣ разныхъ философско-историческихъ и соціологическихъ теорій,—то это именно идея о законмѣрности исторіи. Но плодотворной она сможетъ быть лишь при правильномъ пользованіи ею. Она не должна примѣняться ни къ какой-то неуловимой общей наукѣ объ обществѣ, ни къ тому субъективному и произвольному построенію событій, которое называется философіей исторіи. Научная исто-

*) Лично мы думаемъ, что неуспѣхъ всѣхъ попытокъ построить соціологію не случаенъ и что она кроется въ невозможности создать, наряду съ многочисленными частными соціальными науками, еще особую общую наукѣ объ обществѣ. Но здѣсь мы не имѣемъ возможности развить эту мысль.

рія должна итти своимъ особымъ, третьимъ путемъ. Въ извѣстномъ смыслѣ она должна быть чѣмъ-то среднимъ между философіей исторіи и соціологіей. Подобно первой, она должна брать данный конкретный историческій матеріаль (исторію такого-то народа, такой-то эпохи, такого-то учрежденія и т. д.), а не какое-то неосязаемое, недоступное изученію, общество вообще *). Подобно второй, она должна отбросить идею конечной цѣли и пользоваться исключительно принципомъ причиннаго связыванія событій, принципомъ детерминизма. Задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы отыскать ту особую форму детерминизма, которая осуществляется въ общественной жизни людей, чтобы найти особую, присущую исторію, закономерность.

Принципъ причинности, взятый въ своей общей формѣ, конечно, одинъ. Онъ гласитъ: нѣтъ слѣдствія безъ причины—подразумѣвается, естественной причины,—которая, въ свою очередь, является слѣдствіемъ другой естественной причины и т. д. Но въ этой общей формѣ онъ имѣетъ для науки только отрицательное значеніе, именно поскольку онъ борется съ попытками объяснять явленія ссылкой на сверхъестественныя, недоступныя наблюденію и провѣркѣ силы. Онъ толкаетъ мысль не останавливаться на данномъ фактѣ и итти все дальше и все глубже въ переплетающуюся ткань явленій. Но если для борьбы съ религіозными и метафизическими предразсудками до-

*) Это не исключаетъ, конечно, возможности и необходимости сравнительнаго изученія историческихъ явленій, напримѣръ, сравнительная исторія развитія хозяйственныхъ формъ и т. д. Но эти сравнительно-историческія изслѣдованія и тѣ цѣнныя обобщенія, къ которымъ они приводятъ, совсѣмъ не составляютъ той абстрактной науки объ обществѣ, о которой мечтали—и до сихъ поръ еще мечтаютъ—соціологи.

статочна принципа причинности въ его общей формѣ, то для частныхъ наукъ этого еще мало. Каждая наука имѣетъ цѣлью овладѣть огромной массой эмпирическаго матеріала. Ей нужно внести порядокъ въ этотъ матеріалъ, чтобы его можно было легко обзрѣть, ей нужно, такъ сказать, занести въ систематическій каталогъ всю грудѣ сырыхъ фактовъ, чтобы потомъ не трудно было отыскать каждый фактъ. Для этого ей нужно установить небольшое количество причинныхъ связей, небольшое количество обобщеній, законовъ, которые изъ беспорядочнаго хаоса фактовъ и явленій дѣлаютъ упорядоченную, легко доступную и обзримую умомъ систему. Въ каждой отдѣльной области явленій это достигается своимъ особымъ образомъ—чѣмъ не нарушается, конечно, основное единство общаго начала причинности,—въ каждой области явленій детерминированность ихъ, ихъ закономерность принимаетъ особенный характеръ, особенную форму.

Поэтому, не довольствуясь однимъ примѣненіемъ къ исторіи голаго принципа причинности, мы должны спросить: какова особая, свойственная историческимъ явленіямъ, форма детермизма? По этому вопросу существуютъ двѣ основныхъ точки зрѣнія, два основныхъ направленія, которыя можно назвать психологическимъ (субъективнымъ) и соціологическимъ (объективнымъ).

Психологическое направленіе исходитъ изъ того неоспоримаго, конечно,—факта, что общество состоитъ изъ людей, изъ чувствующихъ, дѣйствующихъ, живущихъ личностей. Общество для него есть совокупность живыхъ личностей, и жизнь общества есть жизнь этой совокупности. Помимо этой совокупности, внѣ ея, общество ничего не представляетъ. Общество не есть какая-то особая, независимая отъ людей

реальность. Оно не какой-то организм, какъ намъ его рисуютъ социологи-органисты, — по крайней мѣрѣ, мы ничего не знаемъ и знать не можемъ о такомъ организмѣ. Всѣ теоріи, построенныя на допущеніи общества—организма, приводятъ лишь къ пустымъ, ничего не значущимъ и ничего не объясняющимъ аналогіямъ. Органисты говорятъ о нервахъ, кровеносной системѣ, о членахъ общественнаго организма, но это только слова и сравненія, не подвигающія насъ ни на шагъ впередъ въ изученіи общественной жизни. Единственно реальное существо, съ которымъ имѣютъ дѣло общественныя науки, — это человекъ, личность. И ключъ къ объясненію историческаго процесса надо искать въ этой личности, въ ея желаніяхъ, въ ея страстяхъ, — словомъ въ ея психологіи. Историческій процессъ есть поэтому по существу психическій процессъ, въ исторіи мы имѣемъ дѣло лишь съ тѣми или иными психическими явленіями, и такимъ образомъ историческая закономѣрность есть психологическая закономѣрность.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ психологическая точка зрѣнія, являющаяся, какъ легко замѣтить, лишь расширеніемъ прагматическаго метода прежней политической исторіи. Прагматизмъ тоже объяснял историческій ходъ событій психологіей дѣйствующихъ лицъ, но для него дѣйствующими лицами были только немногіе великіе люди, герои, цари и т. д. Для сторонниковъ же психологическаго метода дѣйствующимъ лицомъ исторіи, носителемъ историческаго процесса является не великая личность, а личность вообще, личность, взятая въ массѣ, со своей психологіей.

Въ извѣстномъ, ограниченномъ смыслѣ эта теорія вѣрна, и въ этомъ условномъ смыслѣ можно утверждать,